

Никита Петрович Панин

Е.А. Шляпникова

«Этому человеку, казалось, было предназначено более чем другому играть важную роль в делах государства. Он имел для этого все, что было нужно: известное в России имя, недюжинные таланты и большое честолюбие»¹, — такими словами характеризовал Никиту Петровича Панина кн. А. Чарторыйский. Его отец — Петр Иванович (1721—1789 гг.) был видным военным деятелем, дядя — Никита Иванович Панин (1718—1783 гг.) — в царствование Екатерины II почти двадцать лет стоял у руля российской внешней политики. Что же касается Никиты Петровича, то он, поднявшись в своей карьере практически до тех же высот, что и его дядя, в 30-летнем возрасте ушел в политическое небытие. Современники не были особенно расположены к графу Панину, он слыл человеком умным, но сухим и высокомерным. «У него не было ни силы характера, ни умения себя держать, и он был способен только к интригам и возмущению»², — таков был их вердикт. Никита Петрович не выдерживал сравнения с дядей, который благодаря прекрасным манерам очаровывал при первом знакомстве³, и, вероятно, вскоре был бы забыт светом, однако туман, окутывавший причины отставки Панина, будоражил воображение и заставлял, возвращаясь к драматическим событиям 11 марта 1801 г., искать их разгадку в его прошлом.

Род Паниных, предположительно уходящий корнями в Италию, появился на страницах русской истории в XVI веке. Место в высшем петербургском обществе он занял после женитьбы Ивана Васильевича Панина на племяннице А.Д. Меншикова Аграфене Васильевне Эверлаковой. И.В. Панин был комендантом г. Пярну, пользовался расположением Петра I, но к числу его ближайших сподвижников не принадлежал. Несмотря на долгую и добросовестную службу, он был небогат и оставил своим четырем детям лишь четверста душ крепостных. Его сын Петр, отец Никиты Петровича, в 1736 г. поступил на военную службу и к началу Семилетней войны был уже генерал-майором. За особые отличия в этой войне он был произведен в генерал-аншефы и назначен сенатором.

Во время первой русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) П.И. Панину было поручено командовать 2-ой армией, которая при осаде и штурме Бендер в июле-сентябре 1770 г. потеряла треть своего состава. Екатерина II была недовольная затяжной осадой, разрушением крепости и потрясена значи-

тельными потерями, поэтому оставила без внимания просьбу Панина о награждении его подчиненных. Раздосадованный полководец под предлогом обострения подагры вышел в отставку, поселившись в Москве. Обиженный военачальник, прямолинейный в своих суждениях, столь резко критиковал правительственную политику, что Екатерина II сочла его «себе персональным оскорбителем» и повелела учредить за ним тайный надзор. Однако во время восстания под предводительством Пугачева императрица после смерти генерала Бибикова вынуждена была внять уговорам Н.И. Панина и поручить его брату руководство войсками, действовавшими против восставших. В 1775 г. он был вновь отправлен в отставку.

Никита Петрович родился в 1770 г. от второго брака его отца и фрейлины Марии Родионовны Вейдель. Мать умерла в 1775 г., поэтому Никита и его сестра Софья воспитывались в семье Никиты Ивановича Панина. После смерти дяди в 1783 г. эстафету приняли Куракины, состоявшие в родстве с графом через Александру Ивановну Панину. Отец всегда ждал вестей о сыне, прося родственников, «не допустить до весьма тягостного смущения неизвестностью о нем»⁴.

Петр Иванович мечтал о военной карьере для сына, обучая его военным наукам как самостоятельно, так и с помощью французского специалиста Розьера. Когда началась русско-шведская война 1787—1788 гг., отец добился зачисления Никиты Петровича в финляндскую армию под командованием Мусина-Пушкина. Но боевого крещения юноше принять не пришлось из-за установившегося на фронте перемирия. Тем не менее, он удостоился внимания со стороны великого князя Павла Петровича, прибывшего в штаб-квартиру армии⁵. Вряд ли могло быть иначе, поскольку Панины и Куракины всегда находились в ближайшем окружении наследника престола. По словам В.Н. Головиной, «император Павел, когда был еще Великим Князем, принимал в нем участие как в племяннике графа Никиты Панина, его воспитателя». Граф не только использовал это обстоятельство, но и сам приложил «усердие и старание и достиг того, что овладел его доверием»⁶.

Расположение великого князя не поколебала даже женитьба Никиты Петровича на Софье Владимировне Орловой (1774—1844 гг.), дочери младшего из представителей столь нелюбимого Павлом семейства. Уже после заключения этого брака великий князь уверял Никиту Петровича в том, что «где бы вы ни были, я есмь вашим верным»⁷. Брак между отпрысками двух родов, известных своим противостоянием, был своего рода сенсацией и привлек внимание света. Если Никита Петрович имел репутацию холодного и плохо сходящегося с людьми человека, то о Софье Владимировне отзывались как о кроткой, доброй и приветливой особе с радушным сердцем⁸. Из шести сыновей и четырех дочерей, родившихся от этого брака, совершеннолетия достигли только пятеро. Среди них наиболее заметный след в истории оставил Виктор (1801—1874 гг.). Будучи министром юстиции, он имел репутацию консерватора и ретрограда. Его назначение в 1860 г. после смерти Я.И. Ростовцева председателем Редакционных комиссий по составлению проекта отмены крепостного права произвело в России тягостное впечатление.

Панин долго не мог определиться с направлением своей карьеры. Он не имел склонности к военной службе, да и придворная его не привлекала. В 1794 г. появилась возможность занять пост посланника в Неаполе, но пока граф ждал назначения, Наполеон захватил Неаполь, и русская дипломатическая миссия там была упразднена. Тем не менее, у Никиты Петровича появилось намерение заняться дипломатической деятельностью. Однако в 1795 г. он был направлен губернатором в Гродно. Этому карьерному передвижению способствовал генерал-губернатор Литовского края кн. Н.В. Репнин, который имел давние связи с Паниными. Такой поворот событий шел вразрез с намерениями Никиты Петровича. «Я делал все, что было в моих силах, — признавался он, — чтобы избежать этого назначения, ссылаясь на мою абсолютную неспособность к внутренним делам, но напрасно, настояли»⁹. Впоследствии в письмах из Гродно Панин постоянно сетовал на рути-

Шляпникова Елена Арсеньевна — доктор исторических наук, профессор. Липецкий государственный технический университет.

ну административной работы. Однако на этом посту он впервые смог прикоснуться к дипломатической работе. Литовский край появился в составе Российской империи после третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.), что требовало демаркации границы между Россией и Пруссией. Панин получил полномочия комиссара по разграничению территорий и в течение полугода среди других занятий наибольший интерес для него представляли консультации с прусским уполномоченным и работа над документами, связанными с установлением границы.

К началу царствования Павла I в отношениях между новым императором и Паниным существовала определенная напряженность. Она возникла в 1791 г., когда великий князь увлекся фрейлиной Е. Нелидовой. Он потребовал от графа большего почтения к фаворитке, чем к великой княгине. Но Никита Петрович остался в этой ситуации на стороне Марии Федоровны. По его словам, «великий князь использовал вначале уговоры, затем холодность, потом угрозы, чтобы привлечь меня в число поклонников своего идола. Ласки меня не обольстили, угрозы не испугали»¹⁰. Когда в связи с окончанием демаркационных работ в Литве Панин получил от великого князя благодарственное письмо, он счел свое повеление в эпизоде с Нелидовой забытым. Однако его предположение оказалось ошибочным. Вступление Павла I на престол ознаменовалось для Никиты Петровича назначением командиром Псковского драгунского полка, расквартированного в Финляндии. Оскорбленный таким поворотом судьбы, Панин хотел проситься в отставку. От этого шага его удержали кн. Репнин и императрица Мария Федоровна.

На дипломатическое поприще Панин попал лишь в конце 1796 г, когда был определен в Иностранную коллегию. Вероятно, не обошлось без протекции его родственников Куракиных, которые, пользуясь расположением Павла I, продвигали на важные посты «своих» людей. Граф не обманывал себя тем, что это назначение свидетельствует о перемене в отношении императора. Впоследствии Павел I ограничивался лишь замечаниями по поводу деятельности Никиты Петровича в беседах с канцлером А.А. Безбородко, но сам к Панину не обращался¹¹. Недоброжелательное отношение нового императора было вызвано не только позицией графа в период противостояния Марии Федоровны и Е. Нелидовой, оно питалось воспоминанием о том расположении, которое выказывала Паниным Екатерина II. Между тем поговаривали, будто бы Панин некогда сообщил Павлу Петровичу о заговоре, организованном против него матерью, на что получил резкий ответ: «Идите, предатель, и не показывайтесь никогда мне на глаза»¹².

В 1797 г. Никита Петрович получил назначение посланником в Берлин, которое его не обрадовало. «...Я с удовольствием приму всякую при чужестранных дворах миссию, за исключением токмо Берлинского поста...»¹³, — писал он Безбородко. Панин презирал прусский Двор. После поражения в войне с Францией дипломатия Пруссии направлялась из Парижа. Неприязнь же к послереволюционной Франции буквально пронизывала правящие круги России. Никита Петрович с неохотой отправился в Берлин, провожаемый обещаниями Безбородко и Марии Федоровны содействовать скорому переводу в другое место. Находясь в Пруссии, он жадно ловил слухи о возможных вакансиях, но из Петербурга отрезвляли: «В Вену вакансии нет и не будет. Там всегда останется Разумовский, потому что здесь его не хотят, и все слухи о том, дошедшие до вас, ложны»¹⁴.

Перед российским посланником была поставлена задача втянуть Пруссию в антифранцузскую коалицию. Вместе с тем, летом 1797 г. Панин получил указание вступить в секретные переговоры с французским дипломатом Кальяром. В начале своего правления Павел I принял в отношении Франции нейтралитет. Такое политическое решение было вызвано сознанием усталости России от войн екатерининской эпохи. Директория постаралась использовать перемену российского курса для восстановления двусторонних отношений. «Так как у нас, можно сказать, нет прямых интересов с Россией, которые приходилось бы улаживать, то договор был бы очень прост: его можно

было бы свести почти к одной статье — о восстановлении старой дружбы и торговых сношений»¹⁵, — инструктировали из Парижа французского посла в Берлине. Он должен был начать переговоры при посредничестве короля Пруссии и первого министра Гаугвица. Однако первые попытки втянуть в переговоры русского посла не имели успеха. Панин был категорическим противником контактов с Францией, во-первых, потому что она была носителем революционных идей, во-вторых, из опасения испортить отношения России с Австрией и Британией. Только получив недвусмысленные указания из Петербурга, он начал тайные встречи с Кальяром. Отношения между переговорщиками были холодными. Кальяр имел репутацию сторонника войны с Россией. Он категорически отрицал ее право вмешиваться во внутренние дела Германии. Панин доводил до сведения императора, что позиция Кальяра идет вразрез с решениями Тешенского конгресса (1778—1779 гг.), согласно которым Россия являлась гарантом стабильности Германии. Стремясь открыть Павлу глаза на двойственную политику Франции, он информировал его о контактах французов с польскими представителями, обсуждавшими тему восстановления польского государства. К облегчению Панина, после того как французские войска в 1797 г. заняли венецианские острова и подвергли аресту русского консула, Павел I приказал прекратить переговоры с Кальяром.

Что касается вхождения Пруссии в состав антифранцузской коалиции, то этому мешала неприязнь между Берлином и Веной, порожденная 2-ой Силезской (1744—1745 гг.) и Семилетней (1756—1763 гг.) войнами, а также разделами Польши. В 1795 г. Пруссия заключила отдельный мир с Францией, пожертвовав интересами Германии. Отпадение Пруссии от коалиции и отказ Павла I от участия в войне привели к разгрому Австрии в 1797 году. Пруссия намеревалась воспользоваться ситуацией, чтобы усилить свои позиции в Германии. В этих обстоятельствах Панин столкнулся с уклончивым поведением берлинского кабинета по вопросу об участии в антифранцузской коалиции. Неопределенность политической линии Пруссии усиливалась из-за болезни короля Фридриха Вильгельма II. Панину оставалось надеяться на смену курса наследником: «С чашки весов до тех пор не снимут гирию, покуда ее не заменят другою». Впрочем, у посла не было больших иллюзий на этот счет. «Старая система может быть не будет отринута, но будет очищена», — предполагал он. Зыбкость надежд объяснялась тем, что Фридрих Вильгельм III был неопытен, слабо разбирался в международных событиях. Характеризуя его, Никита Петрович констатировал, что он лишен познаний, принципов и деловых навыков. Кроме того, он не отличался решительностью. «Новый король не хочет торопиться ни в чем: таково его правило», — осторожно замечал Панин. Его упорные попытки получить аудиенцию у короля оказались тщетными. Прусские министры чинили препятствия. «...Теперешним министрам прямая выгода исказить виды и правила нашего кабинета»¹⁶, — делал вывод посол. Главный министр Гаугвиц, человек умный, изворотливый, России не доверял. Он лишь стремился использовать ее обязательства по условиям Тешенского конгресса для решения внутригерманских проблем. В Петербурге понимали, что именно его «хитрость и криводушие не перестанут быть, покуда он сохранит свое влияние, камнями преткновения для восстановления доверия и прежней искренности» между Россией и Пруссией. Однако на предложение Панина использовать против первого министра порочащие его сведения, сообщив их королю Фридриху Вильгельму III, из Петербурга ответили отказом. А.Б. Куракин предостерег своего кузена, что «столь щекотливый поступок имеет вид доноса, вся гнусность которого может пасть на вас»¹⁷.

Павел I был раздражен поведением прусского кабинета. Когда он узнал о тайных переговорах Пруссии и Франции, то потребовал от Фридриха-Вильгельма III соблюдения обязательств по отношению к союзникам. Прусскому посланнику в Петербурге было объявлено, что любые действия в пользу Франции будут расценены Россией как нарушение объявленного Берлином нейтралитета¹⁸. В Пруссию для предотвращения ее переход в лагерь Бонапарта с

чрезвычайной миссией был направлен Репнин. У Панина это назначение вызвало негативную реакцию. Во-первых, он расценил это как недоверие к себе, во-вторых, сомневался в успехе миссии чрезвычайного посланника, так как критически оценивал манеру Репнина вести дела, основываясь на опыте работы с ним в Литве¹⁹. Князь, действительно, не преуспел. Он вынужден был огорчить императора известием, что Пруссия открыто перешла в лагерь Бонапарта.

В конце 1798 г. образовалась антифранцузская коалиция в составе России, Австрии, Турции, Великобритании и Неаполитанского королевства. В Австрию была отправлена двенадцатитысячная русская армия. Пруссия не примкнула к коалиции. Русский дипломат сообщал, что берлинский кабинет рассчитывал «добиться от французского правительства возвращения своих зарейнских провинций и освобождения Голландии путем настойчивых просьб только от своего имени». Панин тщетно пытался добиться встречи с королем. Нежелание прусского короля присоединиться к коалиции и его намерение сблизиться с Францией осложнили отношения между Россией и Пруссией. Из Петербурга посол получил указание в случае отказа Берлина вступить в коалицию выехать в Карлсбад. Подобный шаг иначе как ультиматум расценить было нельзя. В императорском рескрипте Панину от 16 апреля 1799 г. говорилось, что «его прусское величество может смотреть на все происходящее в Европе и уверять себя час от часу все более, что везде и во всем я без него могу обойтись». В мае 1799 г. Панин выехал из Берлина якобы для лечения на воды в Теплице, оставив поверенным в делах советника посольства Я.Е. Сиверса. В июле того же года император приказал вообще закрыть берлинскую миссию: «После происшедшего с графом Паниным и министерством ... нахожу я нужным, чтобы миссия берлинская, быв уничтожена, возвратилась сюда, взяв с собою весь архив»²⁰.

Вскоре после возвращения в Россию Панин сменил на посту вице-канцлера В.П. Кочубея. Никита Петрович, вероятно, испытывал некоторую зависть к быстрому карьерному росту своего предшественника. На это указывают строки из письма А.Б. Куракина: «Чувствую, милый кузен, что вам трудно забыть, что вы были старше Кочубея по вашей службе при дворе; но так как он был произведен в тайные советники прежде вас, то и первое ваше старшинство над ним надолго утрачено»²¹. Что касается Кочубея, он одобрял кандидатуру нового вице-канцлера, хотя, как и многие, сомневался, что Панин удержится на этом посту²². В основе таких предположений лежали, помимо прочего, суждения о личных качествах Никиты Петровича. Граф П.В. Завадовский характеризовал их так: «Благородная амбиция и негибкость духа суть в нем господствующие качества»²³.

Сомнения в стабильности положения нового вице-канцлера были связаны с тем, что дела совершались «под влиянием минутного расположения духа или неудовольствия императора». Порой внешнеполитические решения принимались помимо иностранной коллегии, зато с участием бывшего царского брандербурга И. Кутайсова. Панин, как один из руководителей внешней политики, пытался внести систему во внешнеполитический курс Павла I, похожий, по словам вице-канцлера, на плавание без компаса по бурному морю. Однако его возможности были сильно ограничены, он сетовал в письмах и разговорах на то, что не имеет права голоса²⁴. Фактически его функции были сведены к секретарским. Чарторыйский рассказывал, что Панин «имел под началом только административную часть, финансы и текущую корреспонденцию»²⁵. Все депеши от посланников и ответы на них шли не через вице-канцлера, а через Ростопчина. По свидетельству баварского дипломата Ф.Г. де Бре, Никита Петрович имел лишь «некоторое пассивное влияние», поскольку не находился в числе лиц, приближенных к императору²⁶. Отношения же между Паниным и главой иностранной коллегии не сложились. Вначале Ростопчин отзывался о своем заместителе с похвалой. В письмах С.Р. Воронцову он сообщал, что Панин «тотчас же взялся за дела», что он выдвигал идеи, касающиеся отношений с Пруссией и Австрией. Впрочем,

тут же оговаривался, что, по его мнению, Панин «любит интриговать и попадать в истории»²⁷.

Политические симпатии руководителей иностранной коллегии были противоположными. Как отмечал современник, Ростопчин доверял «людям русской партии, то есть антикоалиционной»²⁸. Панин же был сторонником антифранцузской коалиции. При этом если глава коллегии предпочитал не обнаруживать собственного мнения и не иметь взглядов, отличных от императорских, то вице-канцлер не скрывал своих суждений. Панин, несогласный с решением о возвращении из Европы войск под командованием Суворова, написал об этом записку императору. Ростопчин всячески препятствовал ее подаче Павлу I. Когда все же в конце лета 1799 г. последовало распоряжение о швейцарском походе русской армии, Панин счел это следствием победы своих аргументов, вопреки мнению Ростопчина. Очень точную оценку взаимоотношений канцлера и вице-канцлера дал Д.И. Татищев: «Между двумя моими коллегами был совершенный разлад, расхождение взглядов, излишек достоинства с одной стороны и власти с другой»²⁹.

В 1800 г. император Павел I под влиянием поведения союзников по антифранцузской коалиции резко изменил свой внешнеполитический курс. Австрийцы всячески оттягивали наступательные действия, препятствовали планам Суворова, оставляя русскую армию без провианта, фуража и проводников. Аналогичным образом вели себя англичане в отношении русского корпуса под командованием Германа. Потерпевший поражение в Голландии, корпус был отведен на о. Джерси, где столкнулся с недостатком продовольствия и одежды. Англия и Австрия использовали результаты военных действий в собственных политических интересах. Сокрушение Франции не входило в планы Австрии. Ее гораздо больше заботило удержание за собой освобожденных земель и отстранение России от решения территориальных вопросов в Италии. В отместку союзникам Павел I решил повернуться лицом к Франции. Еще в феврале 1800 г. отвергавший предложение Пруссии о посредничестве в переговорах с Францией, он вдруг заявил: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии»³⁰.

Бонапарт давно пытался перетянуть Павла I на свою сторону. Французский министр иностранных дел Ш. Талейран прилагал серьезные усилия, чтобы обезоружить Панина, известного своей антифранцузской позицией. На его имя были направлены два послания. Однако, исходя из содержания писем, очевидно, что он не был подлинным адресатом посланий. В первом письме акцент был сделан на том, что в коалиции «англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск». Затем Талейран использовал отказ Австрии в просьбе Павла I обменять французских пленных, взятых Суворовым, на русских, попавших в руки французов после разгрома корпуса Корсакова. Он представил реакцию Бонапарта на австрийский демарш следующим образом: «Пораженный этою несправедливостью и, не желая далее удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, Первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во Франции, числом около 6 тысяч, возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получат новое оружие и свои знамена»³¹. Широкий жест Наполеона произвел впечатление на императора. Судьба военнопленных была использована русской стороной в качестве предлога для визита в Париж генерала Спренгпортена. Подлинной целью его миссии являлось установление дружеских отношений с Францией.

Во втором письме Талейрана к Панину идея двухстороннего договора подкреплялась обещанием французов оборонять Мальту от осаждавших ее англичан³². Автор послания отлично понимал привлекательность подобного предложения для Павла I, всерьез относившегося к своему титулу гроссмейстера Мальтийского ордена. Бонапарт даже передал в дар российскому императору шагу, полученную от папы Льва X одним из магистров Мальтийско-

го ордена. Уловки Талейрана и первого консула произвели на Павла I необходимое впечатление.

Сближение с Францией не отвечало взглядам Панина. Вице-канцлер выражал точку зрения влиятельных общественных кругов, считавших невозможным союз с Францией, от которой исходила угроза распространения революции, и презиравших Бонапарта как выскочку-корсиканца. Он полагал, что сотрудничество возможно только с «законной» династией. Император же, как отмечал А.З. Манфред, «пришел к заключению, что государственные стратегические интересы России должны быть поставлены выше отвлеченных принципов легитимизма»³³. По мнению Павла I, российские интересы заключались в том, чтобы с помощью Наполеона «подорвать систему расширения Австрии, Англии и Пруссии — систему, которая даже вреднее для общего блага, чем принципы революционной Франции»³⁴.

Панин считал необходимым поддерживать Австрию в ее противостоянии Франции. Он критиковал резкие ноты, адресованные Вене, и демонстративное невнимание к австрийскому послу в Петербурге Кобенцлю. Вопреки недружественному курсу, он приказал без проволочек выдать паспорт курьеру австрийского дипломата. Взбешенный самоуправством Павел I велел передать Панину, что он «не более, не менее как дурак»³⁵. В надежде убедить императора отказаться от смещения политического курса в пользу Франции, вице-канцлер составил специальную записку по внешнеполитическим вопросам. Ее центральными идеями были помощь Австрии против Франции и сохранение союза с Англией. Однако Ростопчин вместо того, чтобы доложить ее содержание Павлу I, отправил труд Панина в архив. Взамен он представил императору свою записку «О политическом состоянии Европы». Его позиция была диаметрально противоположной и заключалась в прекращении союза с Англией. Он вторил убеждению императора, что в результате войны с Францией 1799 г. в выигрыше остались Британия, Пруссия и Австрия, которые «скрытно питают зависть и злобу» к России. Ростопчин полагал, что русско-французское сближение позволит России и Франции, как двум сильным военным державам, вершить все европейские дела, добиться раздела Турции и создать Греческую республику под протекторатом России.

Панин, напротив, был сторонником союза с Англией. Не случайно в Лондоне с воодушевлением было встречено известие о назначении Панина вице-канцлером. Еще в период работы в Берлине граф постоянно поддерживал связи с британскими дипломатами, среди которых был и будущий министр иностранных дел Томас Гренвиль. Между тем, расхождение России с Англией усиливалось. Недовольный британской политикой Павел I требовал отъезда из Петербурга английского посланника Уитворта: «Имея давно уже причину быть недовольным поведением кавалера Витворта в теперешних обстоятельствах, ... дабы избежать неприятных следствий, какия могут произойти от пребывания при моем дворе лживых министров, желаю, дабы кавалер Витворт был отозван...»³⁶. Со своей стороны император в апреле 1800 г. приказал послу Воронцову покинуть Лондон. А в мае обе державы снизили уровень дипломатических представителей до поверенных в делах. Месяц спустя английскому поверенному было отказано в выдаче паспортов для дипломатических курьеров, направлявшихся в Лондон. Вскоре последовало закрытие английской миссии в Петербурге.

Эти действия были напрямую связаны с тем, что в сентябре 1800 г. над Мальтой был поднят британский флаг. Английские военные корабли останавливали суда всех нейтральных держав, в том числе и русских, производили их досмотр, часто заканчивавшийся конфискацией груза. Поскольку Великобритания нарушила условия договора по поводу Мальты и не признавала права нейтральных держав, Павел I в октябре 1800 г. распорядился наложить секвестр и эмбарго на все английские суда, находившиеся в русских портах. Осенью 1800 г. началась работа над союзным договором между Россией, Пруссией, Швецией и Данией, впоследствии известным, как Лига северных стран.

Панин понимал, что ему нет места в изменившейся политической обстановке. «Я стараюсь держаться против течения, — писал он Воронцову, — но силы мне изменяют, и стремительный поток, вероятно, скоро унесет меня в какую-нибудь отдаленную деревню». Предчувствия его не обманули. В ноябре 1800 г. от Ростопчина, управлявшего также почтовым ведомством, император узнал, что Панин осуждает эмбарго на английские суда и конфискацию товаров. Никита Петрович сам описывал обстоятельства, приведшие к его отставке: «Из перлюстрации донесения прусского посла графа Мози к королю Фридриху Вильгельму III узнали, что прусскому дипломату было известно неодобрение Паниным резких мер, принятых Павлом против Англии, и это вызвало раздражение Павла»³⁷. Формальным поводом для отставки, стало уклонение Панина от подписания антианглийской ноты. Как заметил Е.С. Шумигорский, характер Панина не позволял ему быть только «инструментом»³⁸ в руках императора. Таково было условие сохранения карьеры в павловские времена. Это обстоятельство в сочетании с ревнивым желанием Ростопчина верховодить, а также «благодаря одному из тех частых и неожиданных капризов, вызванных подозрительностью, которые отличали Павла I»³⁹, стало причиной опалы Панина.

В день объявления отставки Панин давал обед для дипломатического корпуса и попросил Ростопчина сообщить об увольнении после приема. Императору же, заинтересовавшемуся, как Панин воспринял известие об отставке, Ростопчин ответил, что Панин весело обедает с послами. Из этих слов Павел I сделал вывод, что Панин не слишком огорчен. Даже замечание военного губернатора столицы П.А. Палена, что едва ли тому, кто имел несчастье навлечь на себя немилость царя, придет в голову веселиться, не изменило мнения императора. «Он римлянин. Ему все равно»⁴⁰, — произнес Павел I.

Панин получил назначение в Сенат. Ему дали понять, что как член московского отделения, он должен находиться в Москве. Тогда Панин подал прошение об отставке. Вначале ему было разрешено задержаться в Москве на три—четыре месяца из-за жены, ожидавшей рождения ребенка. Но затем последовало распоряжение ехать в деревню. В конце декабря он покинул столицу и выехал в свое смоленское имение Дугино. Софье Владимировне Паниной было разрешено поселиться близ Москвы в Петровско-Разумовском.

Вскоре почтовым ведомством было перехвачено письмо из Москвы, содержащее фразу: «Я был также у нашего Цинцинната в его имении». По версии, представленной императору Ростопчиным, автором письма был Никита Петрович Панин, а под именем Цинцинната скрывался генерал-фельдмаршал Репнин. Ростопчин, намереваясь окончательно погубить своего политического противника, намекнул, что не иначе, как опальные политики готовят заговор. Разгневанный император направил московскому военному губернатору графу И.П. Салтыкову письмо: «Открыл я, Иван Петрович, переписку... Панина, в которой титулует он князя Репнина Цинциннатом, пишет о некоторой мнимой тетке своей (которой у него, однако же, здесь никакой нет), которая одна только из всех нас на свете душу и сердце токмо и имеет, и тому подобныя глупости. А как из сего я вижу, что он все тот же, то и прошу мне его сократить, отослав подале, да... чтобы он вперед ни языком, ни пером не врал. Прочтите ему сие и исполните все»⁴¹. Изумленный Панин заявил Салтыкову, что ничего подобного не писал, да и вообще не отправлял

писем в Петербург. Автор письма объявился, когда слухи об этой истории распространились по Москве. Им оказался скромный чиновник иностранной коллегии П.И. Приклонский. «Цинциннатом» он называл как раз Панина, имевшего прозвище «римлянин», но ни о какой встрече двух политиков речь в письме не шла. Автор описывал приятелю И.М. Муравьеву обычные бытовые подробности своей частной жизни. Разразился скандал, повлекший уже опалу Ростопчина.

В данном случае уличить Панина в подготовке заговора против Павла I не удалось. А между тем его фигура всегда возникает, когда речь заходит о дворцовом перевороте 11 марта 1801 года. Еще до возвращения графа из Берлина в Петербурге сложилась группировка, недовольная павловским произволом и его антибританской политикой. Никита Петрович примкнул к ее участникам. К 1800 г. в свете достаточно прочно укрепилась мысль о безумии Павла I. По словам Воронцова, Панин также «считал этого тирана помешанным»⁴². Именно под предлогом душевной болезни императора Никита Петрович предложил ввести регентство великого князя Александра. Прецеденты имели место в Англии в период болезни короля Георга III, когда дела поручались принцу Уэльскому, и в Дании с 1784 г. при Христиане VII правил регент.

Тайные переговоры с Александром о введении регентства начались в сентябре 1800 года. Современники отдавали графу первенство в подаче этой идеи наследнику. «Как вам известно, — писал Кочубей, — Панин первый говорил с нынешним императором о необходимости регентства»⁴³. Миссии способствовало то, что Никита Петрович был вхож в круг императрицы Марии Федоровны и пользовался ее расположением, а она имела сильное влияние на своих детей. Вице-канцлер пустил в ход все свое красноречие. Чтобы привлечь великого князя к участию в заговоре, он «указал Александру на бедствия и опасности отечества и на необходимость прескратить их»⁴⁴. Никита Петрович убеждал наследника престола в необходимости такого шага и во имя сохранения династии, ссылаясь на угрозы Павла I заточить императрицу и наследника престола в крепость. При этом речь не шла о физическом устранении Павла I: вице-канцлер обещал, что Сенат заставит его признать Александра соправителем. «Панинский проект революции против покойного императора был в известном смысле составлен с согласия ныне царствующего императора и отличался большой умеренностью, — признавал шведский посланник Стединг. — Он задавался целью отнять у Павла правительственную власть, оставив ему, однако, представительство верховной власти...»⁴⁵.

В замысле Панина преобладали соображения идейного порядка. Современники предполагали, что он «желал не только падения безумного царя», но и «ограничить самодержавие, заставив Александра в первую минуту принять этот конституционный акт и утвердить его своей подписью»⁴⁶. Эти догадки подтверждает рассказ Державина. Вспоминая «дней Александровых прекрасное начало», он писал: «...Трое ходили тогда с конституциями в кармане — речистый Державин, князь Платон Зубов с своим изобретением и граф Н.П. Панин с конституцией английской, переделанной на русские нравы и обычаи. Новосильцеву стоило тогда большого труда наблюдать за царем, чтобы не подписать которого-либо из проектов; который же из проектов был глупее, трудно описать: все три были равно бестолковы»⁴⁷.

Именно Панин привлек к заговору Петра Алексеевича Палена, обладавшего энергичным и авантюрным характером. Как военный губернатор столицы Пален мог способствовать как исполнению плана, так и открытию заговора. Современники были уверены, что «с ним во главе революция была легка; без него почти невозможна. ... Все повеления государя проходили чрез его руки и им объявлялись. Павел, обыкновенно столь недоверчивый, предался ему совершенно; он был всемогущ»⁴⁸. Не исключено, что Пален наметил императору о разговорах между великим князем и вице-канцлером и тем способствовал отставке последнего. Во всяком случае, современники подозревали петербургского генерал-губернатора в том, что он хотел включить иностранные дела в свою компетенцию, так как «притязал на то, чтобы ничего не

делалось без его разрешения и помимо него»⁴⁹. После удаления в феврале 1801 г. Ростопчина иностранные и почтовые ведомства были вверены Палену.

План Палена отличался от панинского, который исключал насильственное устранение императора. Петербургский генерал-губернатор «стоял за умерщвление Павла»⁵⁰. Кроме того, мотивы, привлечшие его к заговору, были лишены идейной подоплеки. Имея огромную власть, он зависел от переменчивого настроения Павла I. Хорошо знавший Палена, А.Ф. Коцебу точно заметил: «Недоставало ему безопасности, одной безопасности, без которой, хотя и осыпанный всеми милостями и всеми дарами счастья, он уподоблялся Дамоклу, над главою которого постоянно висел меч на волоске!»⁵¹. Незадолго до переворота император намеревался заменить военного губернатора столицы А.А. Аракчеевым. Такой поворот судьбы не устраивал Палена и подтолкнул его ускорить события.

Однако как верно заметил Адам Чарторыйский, ни Панин, ни Пален не могли решиться на заговор без одобрения Александра: «В самом деле, люди рассудительные, понимавшие последствия столь опасного предприятия и заботившиеся о своей собственной безопасности, не могли ни на что решиться без предварительного согласия наследника»⁵². Пален сумел убедить великого князя в том, что речь идет лишь об отречении императора от престола. Реальность не совпала с планом, который предлагал Панин. На это указывают слова Александра I, обращенные к нему при первой встрече после переворота: «Увы, события повернулись не так, как мы предполагали...»⁵³. Сам Панин, касаясь событий 11 марта 1801 г., всегда подчеркивал, что окажись он в Петербурге, то «сопротивлялся бы позорным делам, совершенным погрязшей в пороках разбойничьей бандой»⁵⁴. Таким способом граф пытался отмежеваться от содеянного и убедить общество, что его план регентства, не допускал мысли об убийстве Павла I.

На следующий день после устранения Павла I Никита Петрович был вызван из ссылки. «Панин, вероятно, вернется к делам и захочет все сделать по-своему. Мне будет неприятно, что мы вновь поссоримся с Францией.»⁵⁵, — прогнозировал развитие событий Кочубей, который считал лучшей кандидатурой на пост канцлера Александра Романовича Воронцова. Против назначения Панина первоначально возражала Мария Федоровна из-за разговоров о его причастности к заговору 11 марта. Впрочем, вдовствующая императрица удовлетворилась тем фактом, что Панина не было в столице в момент убийства. Она даже передала графу бриллиантовое перо с бантом и портрет Павла I, сопроводив дары благосклонным письмом. Кроме того, граф сумел восстановить ее доверие, поддержав Марию Федоровну в ее противостоянии Палену. Ей была преподнесена икона с надписью: «Хорошо ли быть Симирию, задушившему своего господина?» Пален велел незаметно убрать икону, намекающую на обстоятельства смерти Павла. Мария Федоровна воспротивилась и объявила императору, что не вернется в Петербург, пока там находится Пален. Хотя подробности неизвестны, но Панин утверждал: «...Я принял сторону вдовствующей императрицы, когда граф Пален по поводу иконы хотел очернить ее в глазах государя. Я, и я один, устранил возникшее между ними недоверие». Петербургский генерал-губернатор получил отставку и отправился в свое курляндское имение.

Панин был назначен канцлером 21 марта 1801 года. Многие отмечали, что он «приобрел большое доверие и значительное влияние»⁵⁶. Однако так казалось со стороны. Находившийся в оживленной переписке с Никитой Петровичем посол в Лондоне Воронцов делал другой вывод: «...вы не пользуетесь тем доверием, которого вы заслуживаете...»⁵⁷. Александр I с опаской относился ко всем причастным к заговору 1801 г., за ними был установлен тайный надзор. Он распространялся и на Панина, окруженного «шпионами, не выпускавшими его из вида». «По несколько раз в день император получал отчеты секретной полиции с подробными донесениями обо всем, что делал Панин с утра до вечера, где он был, с кем останавливался на улице, сколько часов провел в том или другом доме, кто посещал его. Насколько было воз-

можно, передавали даже и все сказанные им слова»⁵⁸. При таком недоверии, едва ли Панин мог сохранить свое положение. Судя по всему, он был в курсе намечающихся кадровых перестановок. В письме царю от 28 мая 1801 г. граф замечал, что дело больше страдает из-за того, что портфель министра иностранных дел находится сразу в нескольких руках. Канцлер даже давал положительную характеристику Воронцову, как возможному руководителю коллегии, несмотря на расхождения во взглядах.

В начале царствования Александра I внешнеполитическая доктрина состояла в том, чтобы не давать предпочтения какой-либо державе, развивать отношения с каждым государством в отдельности и избегать участия в конфликтах, потрясавших Европу. Такой подход сформировался под влиянием неудач второй антифранцузской коалиции. Как следствие — в окружении молодого императора сложилась группировка во главе с Румянцевым, которая выступала за максимальную отстраненность России от европейской политической борьбы и любых политических союзов. По своим взглядам к ней были близки император и члены «Негласного комитета». Такая тактика впоследствии получила название политики «свободы рук». Противоположных взглядов придерживалась партия, возглавляемая вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Ее представители настаивали на сближении с Пруссией. Однако обе придворные группировки сходились в отрицании англо-русского союза. Помехами для него они считали столкновение интересов в Восточном Средиземноморье и Турции, а также внутренний политический кризис в Англии, где из-за ожесточенной вражды вигов и тори положение кабинета было крайне неустойчивым.

Взгляды Панина, изложенные им в записке «О политической системе Российской империи», полностью не совпадали с взглядами ни одной из этих партий. Он возражал против тактики отказа от союзов, высказываясь за те, которые дали бы России возможность балансировать между Францией и Англией и позволили обеспечить ей статус великой державы. «Должно, — писал он, — предупреждать события, могущие нанести ущерб безопасности. Это соображение об общей пользе в сочетании с частными интересами России обязывает ее удерживать соседние государства в их нынешнем состоянии»⁵⁹. Его можно было бы отнести к партии Марии Федоровны, так как наиболее приемлемыми он считал союзы с Австрией и Пруссией. Тем более, что Вена и Берлин после перемены на русском престоле поспешили восстановить отношения с Россией. Но в то же время Панин твердо придерживался курса на сближение с Лондоном. Экономический ущерб, который наносил России разрыв с Англией, требовал нормализации двусторонних отношений. Канцлер считал англо-русские противоречия разрешимыми и выступал за переговоры. Однако они были отложены из-за военных действий английского флота, прорвавшегося через Зунд, осады Копенгагена и намерения адмирала Нельсона захватить ревальский порт. В этой ситуации Панин принял сторону Дании, получив от посла в Лондоне Воронцова незаслуженные обвинения в затягивании отмены эмбарго на английские суда.

Для подготовки англо-русской конвенции в Петербург прибыл английский посланник лорд Сент-Эллингс. Он обсуждал текст договора только с Паниным. Конвенция, подписанная в июне 1801 г., отдавала приоритет британским интересам, игнорируя нормы политики вооруженного нейтралитета. Россия отказывалась от вооруженной борьбы за право нейтральных государств торговать с воюющими странами, не считаясь с блокадой побережья. Британии пришлось отступить в попытках втянуть Россию в борьбу с Францией. Александр I с готовностью подписал конвенцию, надеясь со временем добиться признания Британией принципов вооруженного нейтралитета. Шаг императора был воспринят в России и за ее пределами как проявление Александром I политической слабости. Упреки, посыпавшиеся на него со всех сторон, огорчили императора. Всю ответственность за сложившуюся ситуацию царь возложил на Панина. Никита Петрович объяснял перемену во взглядах императора происками своих недоброжелателей. «Император (подбиваемый не знаю кем),

— писал граф, — считает, что он недостаточно поддержал основу нейтралитета»⁶⁰. Как политик и дипломат он понимал, что восстановление англо-русских отношений возможно лишь при взаимных уступках. Он пожертвовал принципами вооруженного нейтралитета в обмен на прекращение Англией морской войны против союзников России — Дании и Швеции.

Недовольство императора вызвали также действия Панина в отношении Франции. Александр I намеревался осторожно свернуть русско-французский союз и добиться через систему договоров военного равновесия европейских государств. Наполеон же стремился к двустороннему русско-французскому соглашению, которое не касалось бы вопросов общеевропейского значения и препятствовало сближению России с Англией и Австрией. Царь лелеял надежду взять верх на переговорах, сломив сопротивление французской дипломатии отвлекающими маневрами. Действия Панина, напротив, были совершенно определенными. Тогда как император инструктировал послов о необходимости поддерживать добрые отношения с любым государством, независимо от формы правления в нем, канцлер направил в Париж А.И. Моркова, известного своей убежденной ненавистью к республиканским порядкам и идеям. Да и сам Панин вел себя по отношению к личному представителю Наполеона генералу Дюроку сдержанно до холодности⁶¹. Более того, он сорвал его поездку на коронацию в Москву, куда француз был приглашен симпатизировавшим ему Александром I. Разразился дипломатический скандал, который удалось замять, но вся эта ситуация вызвала раздражение царя.

Вероятно, история с посланником Наполеона сыграла свою роль при отставке Панина, последовавшей 30 сентября 1801 года. Однако значительную лепту в провоцирование неприязни Александра I к Никите Петровичу внес Воронцов. Двух дипломатов связывала довольно оживленная переписка, хотя их политические пристрастия всегда различались, но к размолвкам не приводили. Весной 1800 г. между ними возникли трения в связи с жесткой реакцией российского внешнеполитического ведомства из-за английского нападения на датские суда. Но перелом в отношении Воронцова к Панину спровоцировала инструкция русским представителям при европейских державах. Подписанная Александром I она была направлена всем российским послам в начале июля 1801 года. В ней провозглашались: воздержание России от всяких войн с завоевательными целями, невмешательство во внутренние дела других государств, независимо от формы правления. Документ предписывал исполнять доставшиеся от прежнего времени обязательства, в том числе и невыгодные России, во имя восстановления мира в Европе. Задачей российской внешней политики было заявлено сохранение основ европейского равновесия. Во имя ее решения предлагалось вернуться к активным контактам с Австрией и Пруссией и продолжать переговоры с Францией. Семен Романович Воронцов считал автором инструкции Панина. Отправной точкой для подобного вывода были рассуждения последнего на страницах их переписки еще в павловский период о необходимости союза не только с Англией, но с Пруссией и Турцией. Этого было достаточно, чтобы в глазах Воронцова он выглядел таким же защитником прусской ориентации во внешней политике, как и его дядя — Никита Иванович Панин.

Посол в Лондоне составил пространную записку Александру I, критикующую содержание документа от начала и до конца. Он утверждал, что выдвинутый в ней принцип невмешательства находится в противоречии с основами внешней политики, провозглашенными Екатериной II. Непосредственно в адрес Панина была направлена критика ведения иностранных дел доверенными лицами. По мнению Воронцова, они должны обсуждаться в Совете при императоре, в то время как Панин советовался только с царем и единолично вел переговоры с иностранными дипломатами. Александр I в ответном письме, не отрицая пользы обсуждения дел в Совете, заметил, что работать с каждым министром отдельно его вынуждает недостаток опыта. Что касается заявленных внешнеполитических принципов, император, сделав

реверанс в адрес искусственности в делах старейшего дипломата Воронцова, все же подчеркнул, что исключает пристрастие к какой-либо державе, явно намекая на проанглийские симпатии посла. Всем содержанием ответного письма император давал понять, что основные идеи инструкции принадлежат ему, а не руководителю коллегии. Действительно, легко обнаружить, что идею «равновесия сил» Александр I высказывал до составления инструкции послам. Она высказана в письме послу в Берлине А.Крюденеру, записана в протоколе «Негласного комитета»⁶².

Однако Воронцов не прекратил нападки на Панина. Его послания Александру I там, где они касались главы иностранного ведомства, походили на доносы. Он жаловался на то, что канцлер вскрывает переписку и депеши английского министерства, отправляемые с русскими курьерами из Лондона в Петербург и обратно. Панинские объяснения, что такова давняя практика, посла не останавливали, он продолжал муссировать эту тему в письмах ко всем своим корреспондентам. Воронцов упрекал Панина в том, что он не прислушивается к мнению других сановников, обвинял его в неправильных и даже опасных действиях, допуская крайне резкие высказывания, вроде того, что он «не знает Европу и наших соседей, как не знает собственной страны». Воронцов настойчиво приписывал Панину особое расположение к Пруссии, вплоть до намеков на протекцию берлинскому представителю Гаугвицу⁶³. И, наоборот, в действиях канцлера по отношению к себе искал подвох. Например, когда Франции было предложено российское посредничество в ее мирении с Турцией, Панин не известил посла в Лондоне об этой инициативе. Воронцов расценил факт отсутствия уведомления как намерение подорвать его влияние при Сент-Джеймском дворе, а саму идею посредничества — отражением внешнеполитических пристрастий Панина.

Несмотря на служебные трения, Никита Петрович сохранял доверительный тон в переписке с Воронцовым. Он позволял себя опрометчивые замечания, вроде того, что император предпочитает танцевать и нравиться женщинам, а не вникать в государственные дела. Воронцов же не стал сохранять конфиденциальность, переслав своему брату копию письма Панина от 16 июля 1801 г., где говорилось, о непостоянстве Александра I и придворных интригах. Существуют обоснованные подозрения, что Воронцов довел содержание письма до императора. Образ действий посла в Лондоне порицали даже его друзья, хотя представители воронцовского круга — Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей, Ф.В. Ростопчин — не жаловали Панина. Он вообще не пользовался особым расположением света. Современник замечал, что «ледяное выражение бесстрастного лица графа, которое на прямом, как палка туловище возвышалось в наполненном людьми зале, над всеми, и правду сказать, не располагало подходить к нему»⁶⁴. В силу склада характера граф предпочитал проводить время в делах или в своем загородном доме в Ульянке.

Колкие суждения Панина и намеки на излишнюю самостоятельность канцлера производили неблагоприятное впечатление на мнительного Александра I. Вдобавок на своего кузена подал жалобу вице-канцлер Куракин, обиженный отстранением от непосредственного участия в делах. В конце сентября 1801 г. Куракин добился императорского распоряжения присутствовать при беседах Панина с Александром I и на приемах послов. Для Никиты Петровича это явилось признаком ослабления его позиций. Дело заключалось не только в расширении полномочий вице-канцлера, следовало учитывать различие в их политических позициях: кн. Куракин был сторонником союза с Наполеоном. О том, что над Паниным сгущались тучи, свидетельствует письмо к нему Муравьева-Апостола: «Я знаю Вас, Вы способны противиться урагану, ненастью. Но способны ли Вы перенести низкие интриги? Сильный безупречной совестью, целиком преданный делу, верный подданный и пламенный радатель за благо отечества, Вы всегда пойдете прямо к цели, с поднятой головой, пренебрегая или презирая те маленькие предосторожности, без которых невозможно долго шагать по скользкому паркету царских дворцов»⁶⁵.

30 сентября 1801 г. Панин обратился за отставкой. В ответ на прошение он получил трехгодичный отпуск по болезни. Он сам, многие дипломаты и придворные ожидали его скорого возвращения к делам. Например, Д.И. Бутурлин писал, что ожидают приезда Н.П. Панина на конгресс в Амьене. Придворные строили предположения о его возможном назначении к одному из иностранных дворов. Однако император не собирался отзывать графа из отпуска. Кочубей вспоминал, что при обсуждении кандидатур в министры иностранных дел, Александр I обронил: «Не собираетесь ли предложить еще графа Панина?»⁶⁶. В конце концов отпуск превратился в бессрочный.

В обществе строились всевозможные догадки о внезапном удалении известного сановника. Высказывались предположения о расхождении с царем во внешней политике, недовольстве монарха чрезмерным сосредоточением иностранных дел в руках Панина. Действительно, Александр I через полгода после вступления на престол обрел уверенность и хотел большей самостоятельности. Панин и сам замечал, обмолвившись в беседе с Кочубеем, что воля императора заметнее, чем шесть месяцев назад. При этом он связывал активизацию царя с приездом Ц. Лагарпа. Хотя бывший царский наставник не был допущен к работе «Негласного комитета», однако не упускал случая давать советы, касающиеся политического курса России. Панин считал его влияние вредным, заставляющим императора следовать «ложным принципам и опасным софизмам»⁶⁷. В свою очередь Лагарп обвинял Панина в намерении сконцентрировать внешние дела в своих руках. Он играл на мнительности императора, сообщая, будто канцлер разослал послам инструкцию о тайных отчетах, которые должны были доводиться лишь до его сведения.

Однако ни интриги Воронцова, Лагарпа и других, ни политические расхождения между Паниным и царем в петербургском обществе не считали главными причинами опалы. Кочубей высказал подозрение, что Александр I «имеет что-то против Панина из-за революции, которая возвела его на престол»⁶⁸. В обществе не была секретом неприязнь Александра I к зачинщикам заговора 11 марта 1801 года. Присутствие рядом с собой людей, посвященных в темную династическую историю, которые постоянно напоминали о ней, было для царя мучительным. Но особенное отвращение, по словам Чарторыйского, он питал «к тем, которым удалось своими доводами убедить его, что, уступая их намерениям, он совершенно не подвергал жизнь своего отца опасности»⁶⁹. Панин же никогда не отрицал, что был автором идеи регентства.

О том, что Александр I видел в нем инициатора заговора, что являлось сильным раздражителем для царя, канцлер подозревал. Он писал императору: «...если ваше величество считает меня причиной акта, который, как вы полагаете, пятнает вашу славу, то мое присутствие должно быть для вас невыносимо; я готов избавить вас от него...»⁷⁰. При этом, хотя у Панина было письменное свидетельство, что Александр поддерживал его план, он никогда не обнародовал его во имя своего оправдания, чтобы не повредить репутации императора. По этой или другой причине Александр I, отдалив от двора всех участников заговора, на первых порах не тронул Никиту Петровича. Однако, по мнению современника, «постоянно преследуемый шпионами, ходившими за ним по пятам, и предупрежденный о впечатлении, которое он производил на императора, граф Панин сам решил удалиться из столицы»⁷¹.

Летом 1802 г., получив отпуск, граф с семьей отправился в Западную Европу через Швецию. Но по приказанию короля его выдворили за пределы страны в отместку за проводившийся им в бытность главой иностранного ведомства недружественный Стокгольму курс и за соучастие в заговоре 11 марта 1801 года. Панин счел это оскорблением и обратился за содействием к царю и в министерство иностранных дел. Русские власти ограничились неодобрительными замечаниями в беседе со шведским послом Стедингом. Панин три года провел, путешествуя по Западной Европе. Когда в 1804 г. он вернулся в Россию, то получил извещение от государя, что его присутствие в Петербурге нежелательно. Графу и его родственникам было предписано хранить это распоряжение в тайне, чтобы изгнание выглядело добровольным. Александр I

не разрешил Панину выйти из политического небытия, даже когда дворянство Смоленской губ. избрало в 1807 г. Никиту Петровича начальником земского войска. Император приказал ему оставить эту должность.

Попытки Панина и его родственников выяснить причины опалы и восстановить его в правах оставались без ответа. Он жаловался Андрею Разумовскому: «Не спрашивайте меня о причине сурового ко мне отношения. Я не знаю ничего, решительно ничего, все старания и усилия моих друзей открыть эту причину остались тщетными...»⁷². Никита Петрович даже предполагал, что поводом мог быть случай, произошедший во время одной из тайных встреч в период подготовки заговора 1801 года⁷³. Панин шел на встречу с великим князем по слабо освещенным галереям подвала дворца. Услышав шаги за спиной, решил, что его преследует шпион, и внезапно обернулся: позади оказался Александр. Наследник был напуган резким движением, и ему даже показалось, что граф вынул шпагу. Возможно, полагал Панин, этот эпизод оставил у будущего императора какие-то недобрые подозрения о намерениях графа.

Николай I также отклонил просьбу расследовать действия Панина в 1800 году. По словам нового монарха, таково было желание его матери. Когда-то графа причисляли к партии Марии Федоровны. После его отстранения в 1801 г., она винила Александра I в непостоянстве, утверждая, что Панин заслуживает доверия⁷⁴. Однако, получив свидетельства его причастности к заговору против Павла I, потребовала немедленного удаления. Она настойчиво преследовала всех, заподозренных в этом заговоре. Кроме того, в императорской семье придерживались мысли, что заговорщики должны были взять всю вину на себя. «Если бы они не впутывали сына в дело свержения отца с престола, а принесли бы себя в жертву, обрекая себя на верную смерть, то оказали бы России и ее новому властелину большую услугу: на последнего бы не пало бы и тени преступления...»⁷⁵, — такова была логика рассуждений представителей царствующего дома.

С 1804 г. Панин, лишенный права въезда в столицы, жил в смоленском имении Дугино, которое унаследовал после смерти Н.И. Панина. В этой усадьбе был красивейший парк на левом берегу р.Вазузы, насчитывающий более 30 видов деревьев. Посреди парка располагался дворец, в котором находилась коллекция картин знаменитых художников и большая библиотека с редкими старинными книгами и автографами известных писателей и мыслителей. Любимым занятием графа в его уединении стала музыка, он даже написал оперы «Горбуны» и «Модная лавка». Ему так и не удалось восстановить свою репутацию в глазах монархов, вернуться к службе. Говоря о судьбе двух ведущих фигур заговора, Палена и Панина, современник констатировал: «Карьера их была навсегда закончена и обоим им пришлось навсегда отказаться от государственной деятельности, которая между тем была их стихией, и закончить существование в одиночестве и полном забвении»⁷⁶.

Примечания

1. Мемуары кн. А.Чарторыйского. М. 1912, с. 210.
2. ГОЛОВИНА В.Н. Мемуары. М. 2005, с. 170.
3. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Павел Первый. СПб. 1901, с. 10; ЛЕБЕДЕВ П.С. Графы Никита и Петр Панины. СПб. 1863, с. 45—46.
4. БРИКНЕР А.Г. Материалы к жизнеописанию графа Н.П. Панина, т. I. СПб. 1888, с. 6.
5. Архив князя Воронцова, т. XI, М. 1877, с. 19—20.
6. ГОЛОВИНА В.Н. Ук. соч., с. 170.
7. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., с. 92.
8. Мемуары А. Чарторыйского, с. 211.
9. Архив князя Воронцова, т. XI, с. 71.
10. Там же, с. 70.
11. Там же, с. 72.
12. ГОЛОВИНА В.Н. Ук. соч., с. 170—171.
13. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., с. 294.

14. Там же, т. II, с. 439.
15. Сборник русского исторического общества (Сб. РИО), т. 70. СПб. 1890, с. V.
16. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. II, с. 439; т. IV, с. 217, 407; т. II, с. 408.
17. Там же, т. II, с. 437, 463.
18. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/6, л. 536, л. 20—21об.
19. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. I, с. 242.
20. АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 468, л. 11471, л. 24; ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/6, л. 536; л. 10—10об.; л. 643, л. 1; л. 544, л. 16; ф. ВКД, оп. 2/6, л. 7214, л. 159; л. 7216, л. 234; л. 546, л. 1.
21. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. II, с. 439.
22. Архив князя Воронцова, т. XVIII, с. 222; т. XXXII, с. 259.
23. Там же, т. XII, с. 235.
24. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. V, с. 170, 191, 586.
25. Мемуары А. Чарторыйского, с. 231.
26. Русская старина. 1899, т. 99, № 9, с. 550.
27. Архив князя Воронцова, т. XVIII, с. 222.
28. Русская старина, с. 551.
29. Архив князя Воронцова, т. XI, с. 284—285; т. XVIII, с. 339.
30. Цит. по: МИЛЮТИН Д.А. История войны между Россией и Францией. Т. 5. М. 1956, с. 498.
31. Сб. РИО, т. 70, с. 651, 1, 2.
32. Там же, с. 3—4.
33. МАНФРЕД А.З. Наполеон Бонапарт. М. 1987, с. 318.
34. Сб. РИО, т. 70, с. XXVII.
35. Архив князя Воронцова, т. XXX, с. 117.
36. АВПРИ, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, л. 526, л. 6.
37. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. V, с. 282, 625—626.
38. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Павел I. СПб. 1907, с. 423.
39. Мемуары А. Чарторыйского, с. 203.
40. Архив князя Воронцова, т. XI, с. 163.
41. БРИКНЕР А.Г. Ук. соч., т. V, с. 650.
42. Архив князя Воронцова, т. X, с. 280.
43. Там же, т. XVIII, с. 245—246.
44. ГРЕЧ Н.И. Записки моей жизни. М. 2002, с. 181.
45. Цит. по: БРИКНЕР А.Г. История Павла I. М. 2004, с. 93.
46. Общественные движения в России в первой половине XIX в. Т. I. СПб. 1905, с. 142.
47. ДЕРЖАВИН Г.Р. Сочинения. Т. 7. СПб. 1872, с. 341.
48. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб. 1908, с. 369—370.
49. Мемуары А. Чарторыйского, с. 203.
50. Цит. по: БРИКНЕР А.Г. История Павла I, с. 109.
51. Цареубийство 11 марта 1801 года, с. 370.
52. Мемуары А. Чарторыйского, с. 233—234.
53. Цит. по: БРИКНЕР А.Г. История Павла I, с. 182.
54. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 483.
55. Архив князя Воронцова, т. XIV, с. 248.
56. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 403, т. VI, с. 379, 13, 14; архив Воронцовых, т. XII, с. 204.
57. Архив князя Воронцова, т. XI, с. 185.
58. Мемуары А. Чарторыйского, с. 243—244.
59. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 19.
60. Архив князя Воронцова, т. XII, с. 140.
61. Сб. РИО, т. 70, с. 156—159.
62. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. I. М. 1960, с. 49—50.
63. Архив князя Воронцова, т. XI, с. 410; т. XV, с. 473—474.
64. Мемуары А. Чарторыйского, с. 211.
65. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 616.
66. Архив князя Воронцова, т. XX, с. 443; т. VIII, с. 304; т. XXXII, с. 304; т. XVIII, с. 261.
67. Там же, т. XVIII, с. 247; т. XI, с. 185.
68. Там же, т. XXVIII, с. 245—246.
69. Мемуары А. Чарторыйского, с. 209.
70. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 383.
71. Мемуары А. Чарторыйского, с. 244.
72. Les Razoumovski. Halle. 1894, p. 111.
73. Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolas I. B. III. Hamburg. 1856, S. 343.
74. БРИКНЕР А.Г. Материалы, т. VI, с. 625—626.
75. Мемуары А. Чарторыйского, с. 236.
76. Цареубийство 11 марта 1801 года, с. 283.

45. Наказ императрицы Екатерины II, с. 75.
46. Письмо Д.И. Фонвизина П.И. Панину. 1778 г., март. ФОНВИЗИН Д.И. Собр. соч. в двух томах. Т. 2. М.-Л. 1959, с. 465—466.
47. ПСЗ. 1765. Т. XVII, № 12316, с. 12—13.
48. Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб. 1907, с. 4; Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784—1786 гг. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 17, л. боб., 13, 14.
49. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской. Русский архив, 1877, кн. 1, № 3, с. 297—300.
50. КАРАМЗИН Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.-Л. 1964, с. 232.
51. РУССО Ж.-Ж. Трактаты, с. 164.
52. РАДИЩЕВ А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 227, 248, 279, 293, 313—315, 323.
53. РАДИЩЕВ А.Н. Ук. соч., с. 314.
54. МУРАВЬЕВ М.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб. 1819, с. 101.
55. ПУШКИН А.С. Дневники, записки. СПб. 1995, с. 40, 238.